

Е. Л. Калинина

**Лексическо-стилистические особенности рассказа
В.П. Астафьева «Далекая и близкая сказка»**

Данная статья посвящена рассмотрению лексико-стилистических особенностей автобиографического рассказа В.П. Астафьева «Далекая и близкая сказка». При помощи приемов лексико-стилистического анализа интерпретируются особенности воплощения композиции, приемы реализации художественного пространства рассказа, идейное содержание и специфика идеологии автора.

Ключевые слова: диалектизм, лексема, лексико-семантический анализ, семантика, стилистическая окраска, окказиональная семантика, художественное пространство, идея произведения.

Elena L. Kalinina

**Lexical and stylistic features of V.P. Astafieva "A Distant
and Close Fairy Tale"**

This article is devoted to the consideration of the lexical and stylistic features of the autobiographical story of V.P. Astafieva "A Distant and Close Fairy Tale". With the help of the techniques of lexical and stylistic analysis, the peculiarities of the embodiment of the composition, the techniques of realizing the artistic space of the story, the ideological content and the specificity of the author's ideological style are interpreted.

Key words: dialectism, lexeme, lexico-semantic analysis of semantics, stylistic coloring, occasional semantics, artistic space, idea of the work.

В. П. Астафьев вошел в русскую литературу как самобытный писатель, поднимавший в своем творчестве острые социально-нравственные вопросы, обладающий независимым взглядом и неповторимым народным языком. Астафьеведение сегодня представлено значительным количеством работ, которые раскрывают различные литературные аспекты произведений: идейно-философскую концепцию, жанровое своеобразие, художественно-композиционные особенности (исследования Бедриковой М. Л.,

Вахитовой Т. М., Корниловой И. Н., Курбатова В. Я., Гончарова П. А., Лейдермана Н. Л., Осиповой А. А., Переваловой О. Д., Ростовцева Ю., Смирновой А. И. и др. [3]. Развивается и анализ языка писателя, однако работ в этом направлении гораздо меньше. Среди таковых можно отметить исследования Падериной Л. Н., Афанасьевой Ю. М., посвященные диалектизмам и нелитературной лексике в произведениях В. П. Астафьева, статьи Ревенко И. В., раскрывающие особенности языка военной прозы, публикации Самогик Л. Г., касающиеся различных языковых проблем астафьевской прозы, фразеологические единицы проанализированы в статьях Ю. В. Фроловой, Емельяновой О. Н., экспрессивные явления, образные единицы – в работах Шарифуллина Б. Я., Лузгиной Т. А., Демидовой Т. А. [3]. Из сказанного следует, что исследование творческого феномена В. П. Астафьева будет неполным без дальнейшего погружения в особенности писательского языка. Данная необходимость обуславливает актуальность настоящей статьи, целью которой является описание лексическо-стилистической специфики авторского слога в рассказе «Далекая и близкая сказка». Метод семантико-стилистического анализа концептуальных для восприятия текста лексем позволяет решить ряд важных задач: проникнуть в идейно-художественный мир рассказа, выявить взаимосвязь языка и композиции произведения, углубить представление об идиостиле Астафьева. Анализ осуществляется на материале текста рассказа, представленного в одной из поздних редакций повести «Последний поклон» (Красноярск, 1994), с привлечением лексикографических источников различного типа: толковых словарей В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, Ефремовой Т. Ф. [6; 12; 7], этимологических – М. Фасмера, Н. М. Шанского [13; 14], терминологического словаря [11]), и филологических публикаций, отражающих результаты анализа творчества В. П. Астафьева.

Рассказ «Далекая и близкая сказка» начинает автобиографический прозаический цикл, который сам автор называл повестью, а в последних изданиях – повестью в рассказах [15, с. 160–161]. Работа над книгой продолжалась почти три десятилетия, в течение которых В. П. Астафьев дополнял цикл новыми рассказами, изменял композиционное решение. Одно из поздних и наиболее полных изданий, вышедшее в 1994 году, сопровождалось следующим авторским комментарием: «И вот впервые моя самая «толстая» и самая заветная книга издается полностью, уходит «мое дите» под названием «Последний поклон» в люди, уплывает мой давний корабль в людское море» [1, с. 5]. Примечательно, что в каждом издании повесть открывается рассказом «Далекая и близкая сказка», так как он служит идеальным началом повествования, намечая все ключевые «скрепы», необходимые для создания единой

композиции цикла. Такими скрепами служат образы главного героя повести, Виктора Потылицына, и его бабушки, Екатерины Петровны. В тексте первого рассказа не используются имена собственные для их обозначения, вербализация происходит за счет личных местоимений и нарицательных существительных. На протяжении всего произведения перед читателем постоянно предстает лишь одно имя – Васи-поляка, таким образом, на наш взгляд, автор фокусирует внимание читателей на данном образе. Сокращенно-разговорный вариант имени подчеркивает обездоленность и приниженное положение этого человека, которого и в преклонном возрасте называли без отчества. Знаковым также является момент подмены имени: вместе с далекой родиной герой теряет настоящее имя. *«Бабушка, чтобы скорее отвязаться от меня, бегом рассказала, что в земле этой далекой взбунтовались люди против русского царя, и их к нам, в Сибирь, сослали. Родители Васи тоже были сюда пригнаны. Вася родился на подводе, под тулупом конвоира. И зовут его вовсе не Вася, а Стася – Станислав по-ихнему. Это уж наши, деревенские, переименовали».* Возвращение имени происходит только после смерти героя, в момент траурного прощания: *«Помилуй, Господи, душу усопшего Станислава и родителей его, прости их согрешения вольным и невольным...».* Также происходит изменение в восприятии односельчан, высвечивается истинный облик ушедшего праведника: *«Пока Вася-поляк был жив, односельчане относились к нему по-разному: иные не замечали его, как лишнего человека, иные даже и поддразнивали, пугали им ребятишек, иные жалели убогого человека. Но вот помер Вася-поляк, и селу стало чего-то не хватать. Непонятная виноватость одолела людей, и не было уж такого дома, такой семьи в селе, где бы не помянули его добрым словом в родительский день и в другие тихие праздники, и оказалось, что в незаметной жизни был Вася-поляк вроде праведника и помогал людям смиренностью, почтительностью быть лучше, добрей друг к другу».*

К упомянутым ранее скрепам цикла относится место действия – сибирское село на берегу Енисея. В первом рассказе оно также еще не названо, лишь позднее читатель узнает название Овсянка. Автор описывает окраину села, таежную природу. Помимо природных пейзажей важную функцию в обозначении пространства играют гидронимы: *«На селе засветились окна. К Енисею потянулись дымы из труб. В зарослях Фокинской речки кто-то искал корову и то звал ее ласковым голосом, то ругал последними словами. <...> В небо, рядом с той звездой, что все еще одиноко светилась над Каравулькой речкой, кто-то зашвырнул огрызок луны...».*

Не трудно заметить, что ключевым в рассказе является топоним Енисей. *«Музыка льется тише, прозрачней, слышу я, и у меня отпускает сердце. И не музыка это, а ключ течет из-под горы. Кто-то припал к воде губами, пьет, пьет и не может напиться – так иссохло у него во рту и внутри. Видится почему-то тихий в ночи Енисей, на нем плот с огоньком. С плота кричит неведомый человек: "Какая деревня-а-а?" – Зачем? Куда он плывет? И еще обоз на Енисее видится, длинный, скрипучий. Он тоже уходит куда-то. Сбоку обоза бегут собаки. Кони идут медленно, дремотно. И еще видится толпа на берегу Енисея, мокрое что-то, замытое тинной, деревенский люд по всему берегу, бабушка, на голове волосья рвущая».* По замечанию Нагаевой, мир природных образов у Астафьева амбивалентен, поэтому пространственные образы реки, неба, берега невозможно однозначно толковать. Природно-космическое художественное пространство, не утратившее мифологические черты, пробуждает в человеческой душе древний страх и чувство преклонения перед природой [8]. В рассказе образ, связанный с Енисеем, постоянно трансформируется: это и река-дорога – покоренная человеком стихия, летом и зимой соединяющая обжитое пространство; это и река – природная сила, в глубине которой таится смертельная опасность и которая однажды забрала жизнь матери; наконец, это великая река – часть Родины: *«А Енисей, не спящий даже ночью, крутолобый бык на той стороне, пилка еловых вершин над дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузничик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один он во всем мире, трава, как бы отлитая из металла, – это и была моя родина, близкая и тревожная».*

Однако не только перечисленные композиционные элементы, но и лирико-философский характер рассказа делает «Далекую и близкую сказку» началом всей повести. Наличие лирического звучания повести, наряду с автобиографическими и эпическими чертами, подчеркивается в работах Л. Слобожаниновой [9], Э. Бальбурова [2], Н. Яновского [16]. По замечанию П. А. Гончарова, драматический процесс угасания крестьянской культуры передается автором через «элегическую интонацию, через отнесение наиболее светлых эпизодов к прошлому» [5, с. 101–102]. Лирическая интонация преобладает в первом рассказе цикла и создается уже самим заглавием – «Далекая и близкая сказка». Здесь проявляется характерная черта астафьевской прозы: как отмечают исследователи, автор в традициях русской классической литературы, в частности вслед за Буниным, «придавал особое значение начальной фразе произведения, которая задает тон и звучание всей вещи» [10, с. 138]. Лексемы, задействованные в заглавии рассказа, создают

возможность многоуровневого прочтения. С помощью антонимов «далекая» – «близкая» вербализируется хронотоп произведения: воспоминания из детства героя передаются от лица взрослого, что позволяет воплотить временную перспективу: «тогда», в далеком детстве, – «сейчас», во взрослой жизни. Подобная двуплановость образа повествователя в проекции всей повести, отмечается в работе А. И. Смирновой: повествователь «во-первых, это автобиографический герой, повествующий о себе и о людях, во-вторых, – это взрослый человек»¹.

В пространственной перспективе «далекое» – «близкое» реализуется иначе. С одной стороны, *далекой* выступает загадочная Польша, которая для героя связана с воспоминаниями о скрипаче Васе-поляке. С другой стороны, в финале рассказа герой переносится в разрушенный войной польский город, и *далеким* становится уже родное ему, сибирское село Овсянка.

Для понимания идеи произведения важно выявить семантическое наполнение использованной в заглавии лексемы «сказка», показать символическую реализацию значений слова в ткани текста. Лексикографические источники отражают совокупность значений данного слова следующим образом: 1) произведение устного народного творчества о вымышленных героях и событиях с участием фантастических, волшебных сил; 2) литературное произведение того же плана; 3) вымысел, ложь; 4) чудо (оценочное); 5) нечто заманчивое, фантастическое (оценочное); 6) устаревшее – ревизская сказка (список лиц для подушной подати); 7) устаревшее – официальное сообщение [7; 12].

В событийном плане рассказ «Далекая и близкая сказка» основывается на реальных событиях: несколькими штрихами автор описывает несчастливую судьбу Васи-поляка, показывает некоторые детали быта и жизни обычного сибирского села, раскрывает горькие переживания мальчика, оставшегося без матери, в финале – рисует картины страшного военного разрушения. Реалистическая канва произведения имеет скорее трагическое, нежели сказочное звучание. Нет здесь и волшебных сил в традиционном, сказочном понимании: волшебной палочки, скатерти-самобранки, добрых и злых волшебников.

Начинается рассказ с реалистических картин обычного сельского устройства: *«На задворках нашего села среди травянистой поляны стояло на сваях длинное бревенчатое помещение с подшивом из досок. Оно называлось «мангазина», к которой примыкала также завозня, – сюда крестьяне*

¹ Смирнова А.И. Поэтика прозы В. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. С. 10.

нашего села свозили артельный инвентарь и семена, называлось это «общественным фондом» <...>... Поодаль от завозни – караулка». Реализм описания строится на употреблении конкретных существительных тематической группы, которую можно озаглавить как «сельские постройки»: помещение «мангазина», завозня, караулка. В стилистическом плане обращает на себя внимание диалектно-просторечный характер слов: единственное книжное по окраске существительное «помещение», используется в сочетании с детализирующими прилагательными как комментарий к диалектному «мангазина». Форма «мангазина», соотносимая с литературным «магазин», является фонетико-морфологическим диалектизмом и, по-видимому, отражает наличие колебаний в процессе адаптации заимствования (в словаре В. И. Даля: «МАГАЗИН м. зданье или помещенье для складки и хранения каких-либо запасов <...> В первом знач. народ произносит магазей и магазезя, даже гамазезя» [6, с. 293]; М. Фасмер фиксирует дополнительные варианты: «магáзин», «магазейн» [13, с. 554]; в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова отражена форма «магазина» [12, с. 111]). Существительное «завозня» в значении «хозяйственное строение» отражено в справочнике «Термины российского архитектурного наследия» [11], в толковых словарях данное слово зафиксировано только как местное, областное название лодки [12; 7], что дает основания говорить об ограниченном хождении лексемы и ее диалектном характере. Использование диалектизмов в рассмотренном фрагменте и в ткани всего рассказа позволяет подчеркнуть колорит крестьянской жизни, соотнести события произведения с конкретным временем и местом, усиливает реалистическое начало.

Однако реализм сочетается в рассказе со сказочными мотивами. Впервые переход к сказочной метафоре происходит в описании жилища Васи-поляка, а затем и его образа: *«Крыши у караулки не было. Хмель запеленал ее так, что напоминала она одноглазую косматую голову. Из хмеля торчало трубой опрокинутое ведро, дверь открывалась сразу же на улицу и стряхивала капли дождя, шишки хмеля, ягоды черемухи, снег и сосульки в зависимости от времени года и погоды. <...> Жил в караулке Вася-поляк. Роста он был небольшого, хром на одну ногу, и у него были очки. Единственный человек в селе, у которого были очки. Они вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребяташек, но и у взрослых. <...> Такому таинственному человеку вроде и полагалось жить в избушке на курьих ножках, в морхлом месте, под увалом, и чтобы огонек в ней едва теплился, и чтобы над трубою ночами по-пьяному хохотал филин...».*

Рассмотрим подробнее лексическое оформление сказочных элементов. Первый из них – это сравнение караулки с огромной, косматой головой, которое вызывает в памяти читателя сказочный образ Головы из поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина. «...Вдали чернеет холм огромный, И что-то страшное храпит. Он ближе к холму, ближе – слышит: Чудесный холм как будто дышит» и далее «И, сморщась, голова зевнула, Глаза открыла и чихнула... Поднялся вихорь, степь дрогнула, Взвилася пыль; с ресниц, с усов, С бровей слетела стая сов»¹. Таким образом, достаточно лаконичное сравнение, представленное трехчленным словосочетанием, носит характер аллюзии, апеллируя к известному литературному сказочному произведению и, тем самым, расширяет границы читательского восприятия.

Далее в эпизоде упоминается избушка на курьих ножках и соответствующая ей природная атмосфера таинственности, и это уже аллюзия к народной волшебной сказке, которая поддерживается и в другом эпизоде: «Трепетал и трепетал огонек в печке, но, может, там, за избушкой, на увале засветился папоротник. Говорят, если найдешь цветок папоротника – невидимкой станешь, можешь забрать все богатства у богатых и отдать их бедным, выкрасть у Кощея Бессмертного Василису Прекрасную и вернуть ее Иванушке...». Ключевыми лексемами в оформлении данных фрагментов выступают слова и словосочетания со сказочной символикой: избушка на курьих ножках, огонек, цветок папоротника, а также имена собственные сказочных персонажей. Привлекает внимание и экспрессивно точное употребление диалектного прилагательного «морхлый» в словосочетании «морхлое место». «Большой современный толковый словарь русского языка» фиксирует следующее значение данного слова: «больной, гнилой, испорченный» с пометой «местное»². «Морхлый» встречается как в северных, так и в южных говорах, чаще по отношению к овощам, фруктам [4, с. 153]. В сочетании с понятием «место» проявляется переносное значение: «неприятное», «мрачное». Однако этим значение слова в контексте не исчерпывается. В словаре В.И. Даля встречается трактовка существительного «морх» как висячих пучков нитей, либо непричесанных волос, косм, и третье значение – клоуна, отрешенный. Фасмер считает возникновение слова результатом метатезы «мохор», «мохр» – «морх» и возводит его к однокоренным «мохна», «мохнатый». Таким образом, здесь также возникает переносное значение: морхлое, т.е. заросшее, труднопроходимое место, что подкрепляется пейзажным опи-

¹ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Культура.РФ. Электронный ресурс. URL: <https://www.culture.ru/poems/5061/ruslan-i-lyudmila-poema> (дата обращения: 26.09.2021).

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar.cc/rus/tolk/52623.html> (дата обращения: 26.02.2021).

санием: *«Поодаль от завозни – караулка. Прижалась она под каменной осыпью, в заветрии и вечной тени. Над караулкой, высоко на увале, росли лиственницы и сосны. Сзади нее выкуривался из камней синим дымком ключ. Он растекался по подножию увала, обозначая себя густой осокой и цветами таволги в летнюю пору, зимой - тихим парком из-под снега и куржаком по наползавшим с увалов кустарникам».*

Сказочная интонация рассказа развивается также в момент усиления таинственности и напряженности в описании окружающей ночной природы, села: *«За Фокинской речкой – рукой подать – забелели кресты на кладбище, скрипнуло что-то в завозне – холод пополз под рубаху, по спине, под кожу, к сердцу».*

Но из-под увала, из сплетений хмеля и черемух, из глубокого нутра земли возникла музыка и пригвоздила меня к стене.

Сделалось еще страшнее: слева кладбище, спереди увал с избушкой, справа жуткое займище за селом, где валяется много белых костей и где давно еще, бабушка говорила, задавился человек, сзади темная завозня, за нею село, огороды, охваченные чертополохом, издали похожим на черные клубы дыма». Ночь как сказочное, таинственное время изображается через лексемы цвета «забелели кресты», «белые кости», «темная завозня», «черные клубы дыма», звука – «скрипнуло что-то», «возникла музыка», посредством слов, передающих ощущения и чувства: «холод пополз», «сделалось страшнее», «жуткое займище». Главный герой оказывается в типичной сказочной ситуации между двумя мирами: обычным, человеческим и таинственным, потусторонним. В этот момент произведение достигает своей эмоциональной кульминации, вслед за которой раскрывается другой, символический план: проявляется лейтмотив музыки.

Магистральная идея рассказа – восприятие музыки как чуда, сказки. Это музыка из далекого детства – скрипичная мелодия Полонеза Огинского: *«В полутьме я старался смотреть только на вздрагивающий, мечущийся или плавно скользящий смычок, на гибкую, мерно раскачивающуюся вместе со скрипкой тень. И тогда Вася снова начинал представляться мне чем-то вроде волшебника из далекой сказки, а не одиноким калекою, до которого никому нет дела. Я так засмотрелся, так заслушался, что вздрогнул, когда Вася заговорил.*

- Эту музыку написал мой земляк Огинский <...> Написал на границе, прощаясь с родиной. Он посылал ей последний привет. Давно уже нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор».

Музыка в рассказе явилась волшебной силой, которая преобразила душу мальчика, успокоила боль от потери матери, подарила умиротворение: *«Растроганными слезами благодарил я Васю, этот мир ночной, спящее село, спящий за ним лес. Мне даже мимо кладбища не страшно было идти. Ничего сейчас не страшно. В эти минуты не было вокруг меня зла. Мир был добр и одинок - ничего, ничего дурного в нем не умещалось»*. Эта же музыка спустя годы, в военной юности героя, неожиданно, как чудо, как сказка, возносится голосом органа над разрушенным польским городом: *«Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил в сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней»*. Однако теперь музыка не просто умиротворяет, а дает силы бороться: *«Да-а, музыка та же, и я вроде бы тот же, и горло мое сдавило, стиснуло, но нет слез, нет детского восторга и жалости чистой, детской жалости. <...> Старая музыка повернулась иной ко мне стороной, звучала древним боевым кличем, звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, <...> чтобы небо, вечное наше небо, не подбрасывало взрывами и не сжигало адовым огнем»*.

Посредством окказионального переосмысления и расширения понятие «сказка» наполняется в произведении особым значением, выступая символом далекого детства и далекой родины, праведности и духовной опоры, взросления, внутреннего становления героя.

Список литературы

1. Астафьев В. Последний поклон. Повесть: в 2 т. Т. 1. Красноярск, 1994.
2. Бальбуров Э. А. Жизненный материал и художественное отражение в повествовании В. Астафьева "Царь-рыба" // Тенденции развития русской литературы Сибири в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1985. С. 119–125.
3. Виктор Петрович Астафьев: рекомендательный библиографический указатель / сост. Н. В. Севрунова, С. В. Шулипина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск: РИО КГПУ, 2009. 29 с.
4. Герд А. С. К истории образования говоров поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры: межвузовский сборник. Вып. 5. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 146–172.
5. Гончаров П. А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов. М.: Высш. шк., 2003. 385 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И-О. 3-е изд. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. 814 с.
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1: А-Л. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. 1168 с.
8. Нагаева (Смирнова) А. И. Человек и природа в творчестве В. Астафьева // О традициях и новаторстве в литературе. Уфа, 1980. С. 34–40.

9. Слобожанинова Л. М. Повествование от первого лица в повести В. Астафьева «Последний поклон» // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Сб. 5. М., 1974. С. 113–132.

10. Смирнова А. И. Астафьеведение сегодня: актуальные проблемы изучения // Вестник ВолГУ. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2010. № 9. С. 136–145.

11. Термины российского архитектурного наследия: Словарь-гlossарий. М.: Искусство, 1995. 160 с.

12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: Л-ояловеть / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939. 521 с.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е-Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

14. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М.: Прозерпина: Школа, 1994. 400 с.

15. Ян Чжэн «Последний поклон» В. П. Астафьева: история создания. Жанр // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 155–162.

16. Яновский Н.Н. Виктор Астафьев: очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1982. 272 с.

References

1. Astaf'ev, V. (1994) *Poslednij poklon. Povest'* [Last bow. Story: In 2 volumes]: v 2 t. T. 1. Krasnoyarsk. (In Russian).

2. Bal'burov, E. A. (1985) *ZHiznennyj material i hudozhestvennoe otrazhenie v povestvovanii V. Astaf'eva "Car'-ryba"* [Life material and artistic reflection in V. Astafiev's story "Tsarfish"] // *Tendencii razvitiya russkoj literatury Sibiri v XVIII–XX vv.* [Trends in the development of Russian literature in Siberia in the 18–20 centuries]. Novosibirsk. S. 119–125. (In Russian).

3. *Viktor Petrovich Astaf'ev: rekomendatel'nyj bibliograficheskij ukazatel'* (2009) [Viktor Petrovich Astafiev: recommended bibliographic index] / sost. N. V. Sevrunova, S. V. SHulipina; Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva. Krasnoyarsk: RIO KGPU. 29 s. (In Russian).

4. Gerd, A. S. (1989) *K istorii obrazovaniya govorov povolhov'ya i yuzhnogo Priladozh'ya* [To the history of the formation of dialects of the Volkhov and southern Ladoga areas.] // *Severnorusskie govory: mezhvuzovskij sbornik* [Severnorusskie dialects. Interuniversity collection. Issue 5]. Vyp. 5. Leningrad: Izd-vo LGU. S. 146–172. (In Russian).

5. Goncharov, P. A. *Tvorchestvo V. P. (2003) Astaf'eva v kontekste russkoj prozy 1950–1990-h godov* [The creativity of V. P. Astafieva in the context of Russian prose 1950–1990s]. М.: Vyssh. shk. 385 s. (In Russian).

6. Dal', V. I. (1881) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*: v 4 t. Т. 2: I-O. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. Vol. 2: I-O]. 3-e izd. SPb.-M.: Tip. M.O. Vol'fa. 814 s. (In Russian).

7. Efremova, T. F. (2005) *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka*: v 3 t. Т. 1: A-L. [Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 volumes. Т. 1: A-L.]. М.: AST, Astrel', Harvest, Lingua. 1168 с. (In Russian).

8. Nagaeva (Smirnova), A. I. (1980) *CHelovek i priroda v tvorchestve V. Astaf'eva* [Man and nature in the work of V. Astafiev] // *O tradi-ciyah i novatorstve v literature* [On traditions and innovation in literature]. Ufa. S. 34–40. (In Russian).

9. Slobozhaninova, L. M. (1974) *Povestvovanie ot pervogo lica v povesti V. Astaf'eva «Poslednij poklon»* [Narration in the first person in V. Astafiev's story "The Last Bow"] // *Prob-*

lemy stilya i zhanra v sovetskoj literature [Problems of Style and Genre in Soviet Literature. Sat 5]. Sb. 5. M. S. 113–132. (In Russian).

10. Smirnova, A. I. (2010) *Astaf'evdenie segodnya: aktual'nye problemy izucheniya* [Astafievology today: topical problems of study] // *Vestnik VolGU. Ser. 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. [Bulletin of VolSU. Series 8: Literary criticism. Journalism]. № 9. S. 136–145. (In Russian).

11. *Terminy rossijskogo arhitekturnogo naslediya: Slovar'-glossarij* (1995) [Terms of the Russian architectural heritage: Dictionary-glossary]. M.: Iskus-stvo. 160 s. (In Russian).

12. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (1939) [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 2: L-oyalovet]: v 4 t. T. 2: L-oyalovet' / pod red. D. N. Ushako-va. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 521 s. (In Russian).

13. Fasmer M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 2* (E-Muzh) [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 2 (E-Husband)] / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. 2-e izd., ster. M.: Progress. 672 s. (In Russian).

14. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* (1994) [Etymological dictionary of the Russian language] / N. M. SHanskij, T. A. Bobrova. M.: Prozerpina: SHkola. 400 s. (In Russian).

15. YAn, CHzhen (2011) «*Poslednij poklon*» V. P. Astaf'eva: istoriya sozdaniya. ZHanr ["The last bow" VP Astafiev: the history of creation. Genre] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology]. № 4. S. 155–162. (In Russian).

16. YAnovskij, N.N. (1982) *Viktor Astaf'ev: ocherk tvorchestva* [Victor Astafiev: Essay on creativity]. M.: Sov. pisatel'. 272 s. (In Russian).